

“Т

оризонты музыки: прошлое в настоящем и будущем» — так называется исследование Евгения Трёмбовельского, недавно вышедшее солидным фолиантом в издательстве «Композитор». И есть в этом названии некая запрограммированность на особую панорамность и широту авторского взгляда на мир музыки. Действительно, в исторической перспективе просматривается то «прошлое», представленное фрагментами исследования о Мусоргском (известная монография о его стиле выдержала в свое время не одно издание и принесла главный успех автору), то «настоящее», коего по удельному весу едва ли не больше и в этой книге, и в целом в творчестве Е. Трёмбовельского. И «творчество» здесь не является оговоркой. Музыковед всегда находится в поиске своего, «сотворческого», как писал Б. Асафьев, слова о музыке. Стиль его отличается особая легкость пера: при точности и глубине аналитических наблюдений, есть в нем и простота, и емкость суждений, афористичность и метафорические красоты, все то, что можно назвать поэтикой музыковедческой мысли.

И если задаться вопросом, в чем секрет методологии автора, создавшего научный труд в семьсот с лишним страниц,

который читается на одном дыхании, то ответом, в первую очередь, будет авторский стиль, абсолютно узнаваемый по своей интонации и особой энергетике. Отточенный в разных жанрах, он и стал тем удачным симбиозом, который позволил достичь нужного эффекта — быстрого и легкого восприятия этой книги. Каким-то единым росчерком пера автору удалось соединить, казалось бы, несоединимые по своей жанровой принадлежности, по степени научности и публицистичности материалы.

В книге представлены избранные научные исследования автора. Помимо уже упомянутых «Четырех фрагментов» о Мусоргском, есть также раздел, посвященный симфониям Е. Брусиловского и Г. Жубановой, и шире — проблемам национального симфонизма. Сюда же отнесем два аналитических этюда об аналогии и выражении «художественное открытие», очерки об особом методе порождающего описания и о взаимодействии предустановленных и импровизационных компонентов. Здесь же представлена публицистика разных лет, выступления в периодических изданиях, интервью, воспоминания. При этом сложная мозаика из разных по очертанию рисунков складывается в картину без «швов и трещин». Книга

выдерживает предложенную нагрузку именно благодаря фундаментальной научной и методологической основе, на которой произрастают главные авторские идеи. Одни оказываются в самом центре современных музыковедческих проблем — это вопросы фактуры, симфонизма, лада, национального стиля, фольклорного элемента в профессиональных сочинениях, другие — такие, как полиофорность, гетерофония, терминологические смыслы, модальное развитие, пополнение звукоряда, — раскрывают в авторе особую способность к созданию оригинальных трактовок; но во всех случаях это «индивидуальное формотворчество», чего сам автор всегда ищет — и находит! — нередко, может быть, именно в силу смелых аналитических подходов в самой музыке. Публицистика же, кажется, выглядит некой надстройкой над главным научным «генерал-басом». Но парадокс данного исследования заключается как раз в том, что расставить все по приоритетам и назвать одно главным, а другое второстепенным, не получается. Все прочно связано между собой. И идеи, однажды сформулированные, не принадлежат одной статье — они принадлежат автору, что называется, на все времена и распространяют свое действие на *все* его творчество, естественно побуждают возвращаться к ним, но уже в новых контекстах.

Свою немалую роль в создании цельности композиции книги играют также приложения, разместившиеся непривычно «в такт» с текстом, а не в конце, когда уже все сказано и ничего не остается, как только выполнить некую казенную функцию *post factum*. Первое приложение оказывается завязанным в параллели с личностью И. Дубовского, у которого Е. Трёмбовельский учился еще в Алма-Ате, в консерватории: это студенческая статья о композиторской молодежи Казахстана, написанная по рекомендации легендарного профессора. Другое приложение оказывается едва ли не самым символичным. По тексту оно смыкается с темой сельской

культуры, и здесь открывается неожиданная страница биографии автора книги, не лишенная гражданского пафоса и описывающая историю обращения Е. Трёмбовельского к А. Солженицыну в 1998 году. В книге приводится письмо, в котором он выражает надежду на внимание со стороны А. Солженицына к книге рассказов сельского писателя Г. Баева.

Таких выходов за пределы музыкальной сферы в монографии немало. Назвать эти врезки «культурным контекстом» было бы неправильно — из подобных разрозненных фактов, имен, связанных с литературой, театром, журналистикой складывается целостная история современной культуры в таком ее преломлении, в каком ее видит автор, и, что не менее важно, без этих штрихов портрет самого автора книги был бы неполным и неточным.

Конструкция книги, изначально предполагающая принцип разновеликих блоков, оказывается прочной и благодаря идее связи времен, которая, согласно замыслу, выражена в передаче традиций, в вечном продолжении жизни искусства вчерашнего в дне сегодняшнем. Идея эта ярко передана в развернутых, предельно точных, подробных и вместе с тем образных, переполненных нахлынувшими чувствами воспоминаниях Е. Трёмбовельского о своих великих учителях — И. Дубовском, М. Копытмане и А. Дмитриеве. «Не говори с тоской: их нет, но с благодарностью: были», — пишет автор.

Независимо от смыслового контекста, авторская речь на всех страницах книги обращена, конечно, и к читателю, который в результате всякий раз оказывается «на стороне» пишущего — в силу особой убежденности автора и убедительности его доводов. Такого рода диалогичность, выраженная обращенностью автора к реципиенту — единомышленнику или противнику, коллеге или просто читателю — становится обязательной неотъемлемой частью изложения и обуславливает сам посыл мысли — острой, всегда точно неправ-

ленной, прицельной. Эта диалогичность не прерывается ни в одном из разделов, а порой обнажается и перерастает в открытую форму. Не раз музыковед возвращается в этой работе к жанру интервью, где можно дать волю собственной «субъективности» и открыто заявить о своих позициях, и музыкантских, и мировоззренческих, гражданских. Книга и открывается развернутым интервью. В нем, откликаясь на круг вопросов, очерченных главным редактором журнала «Проблемы музыкальной науки», профессором, доктором искусствоведения Л.Н. Шаймухаметовой, автор высказывает свои взгляды на многие, актуальные сегодня проблемы музыкального знания, говорит о научных достижениях в этой области, подготовке и уровне диссертаций, роли дискуссий, терминологических процессах и, конечно, о «тайнах» Мусоргского.

Вообще рефренов в этой книге немало. Возвращение к ряду тем — о взаимодействии фольклора и композиторского творчества, о соотношении культурной жизни столиц и периферии, о месте художника в современном мире, о многом другом, — создает не просто лейтмотивные переклички, скрепляющие многоярусный каркас музыковедческого труда. Эти темы в разные годы словно притягивают к себе внимание Е. Трёмбовельского вновь и вновь, вовлекая его в самые горячие точки современных проблем, которые необходимо решать, а значит, о них и необходимо говорить. Они требуют не бесстрастного созерцания и кабинетного анализа, а ярко обозначенной жизненной и культурологической, социальной позиции — и ее демонстрирует автор этой книги.

По мере освоения книжного пространства, читатель знакомится не только с хронологией событий и творчества, яркими деталями частной жизни — он начинает понимать особенности личности автора, его характер, приоритеты, постепенно постигая его внутренний мир. Немаловажную роль в этом играет некий фантом оценки — через

свое отношение к проблемам, фактам, людям автор раскрывает самого себя, собственный ценностный код. По принципу: «Скажи мне, кто твой друг — и я скажу, кто ты». В книге, при всей ее академической основательности, можно найти внутреннюю событийность, в которой резкие переходы из глубин науки на поверхность будней региона соседствуют, к примеру, с неожиданным рассказом об альпинистских восхождениях на высочайшие вершины Тянь-Шаня. И согласимся, формула скачка и непреодолимого стремления к движению — куда как необычный алгоритм для жизни профессора.

Становится ясно, что за пределами этого «остановившегося мгновенья», зафиксированного в твердом переплете, существует целый мир, в котором научная деятельность Е. Трёмбовельского успешно сосуществует с его педагогической работой — почти четыре десятилетия он возглавляет кафедру теории музыки в Воронежском институте искусств, а ранее заведовал аналогичной кафедрой в Алмадинской консерватории имени Курмангазы. Работа в Союзе композиторов, за существование которого он бился с властями, оказывается тесно связанной с организацией фестивалей, приглашением в Воронеж видных российских и зарубежных музыкантов. Выступления на пленумах, съездах и иных форумах чередуются с многочисленными публикациями статей и книг в центральных и региональных изданиях. Е. Трёмбовельский — профессор, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РФ, лауреат многих премий. Понятно, что все эти данные «досье» на автора в его собственном тексте отсутствуют — «в образе мэтра, «утяжеленного» званиями и наградами», его представляет в своей вступительной статье научный редактор издания, профессор Вс. Задерацкий, четко обозначивший и все основные научные и методологические координаты книги.

Не найдет читатель для себя и такой информационной подсказки, как привычное «слово от автора», где тот впол-

не мог бы сформулировать некую сверхзадачу своего труда. Автор предоставляет ее расшифровать читателю самостоятельно. Издание это занимает совершенно особое место среди научных монографий, сборников публицистических статей и интервью, творческих портретов. Едва ли не самой ценной его стороной является такое качество, как *автобиографичность*, что явно требует серьезных вмешательств в имеющуюся терминологию, связанную с разными видами жанров музыковедческих трудов. Автор и в этом смысле остается верен себе и, как видно, и здесь нацелен на новые оригинальные решения (или

на «художественное открытие»?) Назвать ли книгу научной автобиографией, или автобиографическими заметками ученого и публициста, или монографией-портретом, — можно еще долго фантазировать и размышлять о причинах и следствиях получившегося жанрового синтеза.

Очевидно одно, что книга эта, представляющая собой безусловный вклад в науку и публицистику, в первую очередь, открывает самую неординарную личность ярчайшего музыковеда нашего времени, деятельность которого видится как неотъемлемая часть культурного пространства России.

